

ИССЛЕДОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 111; 316.4

DOI 10.17223/2312461X/7/2

МЕТАФИЗИКА ИДЕНТИЧНОСТИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ

Сергей Валерьевич Соколовский

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые философские проблемы в исследованиях динамики и политики идентичности как людей, так и неживых предметов с целью расширения существующего круга тем и проблем в изучении идентичности в социальных науках, главным образом в антропологии. Приводятся примеры конкретных проблем и областей исследования, в которых такое расширение позволяет обновить как концептуализацию динамики идентичности в целом, так и существующие в этой области исследовательские подходы.

Ключевые слова: тождественность, динамика идентичности, политика идентичности, сорталы и натуральные разряды

Словечко «метафизика» обычно не входит в лексикон антропологов и некоторых из них даже пугает. За ним прозревают какую-то смутную средневековую схоластику. Между тем в метафизике нет ничего мистического, и многие ее ответвления вполне современны. Схоласты, опираясь на семантику термина, объявляли метафизическим все надприродное или нефизическое. Отвлекаясь от оценки верности таких взглядов, можно отметить, что современное словоупотребление поддерживает идею «нефизичности» («неприродности») предмета метафизики. В такой перспективе все гуманитарные дисциплины оказываются насквозь метафизичными, и получается так, что если вы с подозрением относитесь к метафизике, то тем самым сомневаетесь в рациональности оснований и начал этих дисциплин, а заодно с ними и социальных наук, которые вопреки их притязаниям на высокие научные стандарты исследуют все же человеческие произведения, т.е. феномены, имеющие в своей сущности характеристики, не входящие в предметы естественных (читай – неметафизических) наук – физики, химии, геологии, биологии или астрономии.

Отказ от продумывания метафизических оснований собственных исследований ослабляет методологический фундамент и теоретический уровень любой дисциплины и обрекает исследователя на наивную в философском и рациональном отношениях позицию здравого смысла.

Основывая исследование на здравом смысле, ученый ограничивает себя описанием: его эпистемологическая позиция практически полностью совпадает с позицией тех, кого он изучает. Может быть, это и хорошо, возразят полевые этнографы и социологи. Разве в задачи социальных и гуманитарных дисциплин не входит тщательная фиксация бытующих представлений населения о себе и мире? Разумеется, входит. И действительно, для фиксации происходящего здравого смысла будет, видимо, достаточно. Правда, гелиоцентрической системы с ним не создать, и как только ученый попытается сделать следующий за описанием шаг – проанализировать собранные материалы, так тут же ему придется искать и создавать новый познавательный инструментарий, который будет лучше приспособлен для аналитика, взгляд которого будет существенно отличаться от перспективы собирателя и «фиксатора». Можно, разумеется, попробовать изобрести велосипед (опыт современных изобретателей велосипедов, кстати, свидетельствует о том, что дело это не столь безнадежно). Разумнее, однако, преодолеть свое недоверие к метафизике и попытаться познакомиться хотя бы с теми обсуждаемыми в ней вопросами, которые имеют непосредственное отношение к тематике проводимого исследования, чтобы быть лучше информированным даже в том случае, когда желание изобретать велосипеды (или наступать на чужие грабли) не пропадает.

Если мне не удалось убедить читателей, что метафизика не так страшна, как ее малюют, то мой совет им (застрявшим в идентичности, связанной с вполне конкретной идеологией научного поиска, при котором все метафизическое отбрасывается, но и ничего из методов строгих наук не используется, просто потому, что их предмет изучения этими методами не улавливается) – прекратить чтение: идентичность – вещь серьезная, изменять ее непросто, а идентичность, связанная с идеологией, вообще с трудом поддается рациональному влиянию. Единственный шанс для такого читателя преодолеть свои неопозитивистские фобии – это любопытство – черта для исследователя вполне простительная и даже необходимая.

Стали ли причиной избегания метафизических проблем со стороны антропологов малоосознаваемые, но распространенные неопозитивистские установки или тому послужили иные обстоятельства, но так произошло, что вопреки пристальному интересу к проблематике идентичности в целом большинство проблем, связанных с процессами индивидуации и идентификации, оказались вне их поля зрения. Ближе всего к этой проблематике они подходили в период расцвета движения «Культура и личность», у истоков которого стоял Э. Сэпир (ср.: Darnell 1986), но последующее развитие когнитивной антропологии пошло иными путями, и многие из поставленных в тот период вопросов так и остались без ответов. В частности, вопреки популярности исследований

классификации в так называемых примитивных обществах культурная вариативность абстракции отождествления остается изученной довольно поверхностно, из-за чего и особенности трактовки тождественности и формирующихся на их основе идентичности классов вещей и людей в ряде случаев проявлены недостаточно.

В задачи этой статьи не входит систематическое рассмотрение метафизических оснований современных исследований идентичности. Они значительно скромнее и будут считаться решенными, если удастся достичь некоторого расширения круга вопросов, обычно используемых в исследованиях идентичности антропологами и их коллегами из смежных социальных наук, за счет привлечения внимания к тем аспектам идентичности, которые и являются по своей сути метафизическими и которые вполне способны стать основой для обновления исследовательских программ в изучении идентичности. Таким образом, приводимые ниже по необходимости краткие описания отдельных метафизических проблем, возникающих в рамках исследований идентичности и тождественности, должны рассматриваться лишь в качестве стимулов для формулирования новых вопросов и исследовательских задач в конкретных полевых исследованиях процессов идентификации, реализуемых антропологами, социологами и социальными психологами. Такой прагматический, едва ли не потребительский подход к фундаментальным проблемам метафизики идентичности обусловлен сложившимся разделением труда в современных исследованиях этой проблематики, породившим разрыв между ее собственно философскими и прикладными социальными исследованиями. Этот разрыв, по моему убеждению, может быть преодолен только встречными усилиями как со стороны философов, так и со стороны исследователей идентичности и процессов идентификации в специализированных социальных дисциплинах.

Помимо такого движения навстречу (отправным пунктом в данном случае служит ситуация в области изучения политики идентичности, сложившаяся в российской антропологии), я также делаю попытку обратить внимание на существующие лакуны в полевых этнографических исследованиях, проблематика которых с позиций универсума представлений и высказываний об идентичности самих исследуемых остается лоскутной и обычно не представляется в качестве единой исследовательской области, разные сектора которой, однако, не могут не влиять друг на друга¹. Наконец, еще одной важной стороной в исследованиях идентичности у этнографов² становятся проблемы аутентичности культуры и культурных артефактов, несомненно, связанные с метафизическими проблемами идентичности, без понимания которых сущность отношений между аутентичными и неаутентичными культурными артефактами становится недоступной.

Рассмотрение проблематики идентичности в более широком, чем это принято в конкретных профессиональных специализациях, контексте предоставляет основу для нового синтеза всей проблематики, связанной с идентичностью, и открывает новые проблемные области для продуктивного исследования. Такой расширенный по сравнению со стандартным подходом контекст задается утверждением, что в отличие от рефлексивной *самоидентичности*, предполагающей наличие сознания и самосознания, идентичность как тождественность присуща всем вещам, включая неживые, иначе мы бы подозревали, что пока мы не смотрим на вещи, отворачиваясь от них, закрывая глаза или засыпая, они становятся иными, теряя тождественность с собой и собственную идентичность. В соответствии с широко обсуждавшимся в философии законом идентичности ($A = A$, или в другой формулировке: A есть A) «всякому существу как таковому присуще тождество, единство с самим собой»³ (Heidegger 2006: 35). Вещи, как и мы, способны меняться, сохраняя идентичность «тех же самых», но помимо философов, изучающих метафизику идентичности / тождественности, мало кто обращает внимание на то обстоятельство, что разные виды или классы вещей отличаются способами и формами сохранения и изменения идентичности, или – как начиная со времен Гоббса и Лейбница и до сегодняшнего дня говорят представители аналитической философии – *условиями идентичности* (ср.: *identity conditions* у Лоу – Lowe 2014: 17). В этой перспективе и люди оказываются особым «разрядом вещей», подчиняясь особым условиям идентичности со специфическим набором ее критериев. Не следует также забывать, что идентичность присуща событиям, мифологическим или историческим, попытки переосмысления которых могут порождать и часто порождают бурю эмоций, поскольку такие события вполне очевидным образом связаны с индивидуальными идентичностями их участников или людей, о них осведомленных и приверженных к вполне конкретной и разделяемой тем сообществом памяти, в которое они входят, интерпретации этих событий.

Трактовки проблем идентичности в социологии, психологии или антропологии нередко противопоставляются ее концептуализациям в философии, где они выступают в качестве сущностно иной (всеобщей, универсальной, неспецифической) проблематики, касающейся, прежде всего, отношения вещи с самой собой во времени, ее изменений при сохранении тождественности или замене ее частей. Можно, однако, возразить, что вся эта проблематика так или иначе проявляется и в исследованиях идентичности в социальных науках, поскольку имеет непосредственное отношение к человеку и его разнообразным самоидентичностям. Надстраивающаяся над тождественностью рефлексивность личностного самосознания определяется во многих его аспектах условиями идентичности на этом первичном и фундаментальном

уровне, который антропологи и социологи или психологи вряд могут игнорировать или считать не относящимся к делу.

Одной из фундаментальных проблем, связанных с концептом идентичности как тождественности, является установление ее характера. Упомянутый выше закон тождества, впервые сформулированный еще Аристотелем (его современная формулировка была предложена Лейбницем), как только мы обращаемся к фактам языка, классифицирующего мышления или даже повседневной жизни, требует уточнения: нам трудно сделать заключение о тождественности реальной вещи, поскольку ее тождественность никогда не бывает абсолютной. Неабсолютная, т.е. релятивная тождественность, образуемая на основе абстракции отождествления, позволяет лучше справляться с практическими задачами типа счета (мы можем сосчитать книги на полке только при условии определения того, что будет считаться «книгой» – отдельное произведение, пусть и занимающее несколько томов, или же объединенные под одной обложкой несколько произведений, т.е. задав критерии идентичности для понятия «книга»). Еще более очевидной роль критериев идентичности станет, если вас попросят назвать число «работ», находящихся на этой же книжной полке. Счет, таким образом, предполагает отождествление (идентификацию) и различение (дифференциацию), а также четкие критерии идентификации⁴. Книга как физический объект (переплетенные листы бумаги) отличается от книги как авторского произведения, и поэтому число томов может не совпадать с числом работ, в особенности если на полке стоят несколько одинаковых томов одного автора, что сразу затрудняет задачу отождествления объекта в качестве «того же самого» и различения его от соседних, что требуется для правильного подсчета. В этом отношении тождественность характеризуется как относительная, или релятивная.

Приведу более близкий к профессиональным интересам этнографа пример. Является ли, например, шаман в его шаманской деятельности на земле и во время путешествия в иные миры той же самой личностью? Иными словами, является ли его идентичность как шамана *транс-мирной*, т.е. охватывающей несколько миров, или же он должен менять идентичности, попадая в верхний или нижний мир, и возвращаться к идентичности срединного мира, оставляя иные свои идентичности или, быть может, различные ипостаси единой, в других доступных ему мирах? Со сколькими личностями мы имеем дело в этом случае? Каковы критерии идентичности для этой личности или этих личностей? Разумеется, метафизика вряд ли даст нам ответы на эти вопросы, поскольку ключ к ним лежит в мировоззрении самого шамана, однако она позволяет данные вопросы сформулировать и узнать нечто новое о шаманской идентичности и ее трансформациях.

Проблематика исследований динамики идентичности. В современных исследованиях идентичности разных типов подчеркиваются ее изменчивость и динамизм; некоторые теоретики предпочитают в этой связи говорить не столько об идентичности, сколько о процессах идентификации с не всегда предсказуемыми исходами. Вопреки тому, что проблемы динамики идентичности активно исследуются, фрагментарность всего поля исследований идентичности и наличие узких специализаций в изучении различных типов идентичностей и областях их проявления не осознаются как части целого (например, изменения возрастных и статусных идентичностей изучаются в отрыве от идентичностей, связанных с языковыми и культурными процессами).

Трансформации идентичностей фольклорных персонажей, шаманов и целителей или охотников в традиционных культурах хорошо известны, но парадоксальным образом остаются недостаточно изученными с точки зрения динамики идентичности и ее закономерностей. Нарушения тождественности с обыденным или повседневным Я рутинно происходит и в ситуациях измененного состояния сознания под влиянием стресса, болезни, галлюциногенов или сильных эмоций, и в процессе рутинной повседневности (грезы, потери внимания, распределенное Я во время работы с экранными носителями и т.д.) у большинства представителей современных индустриальных обществ, однако такие изменения с позиций изменений идентичности рассматриваются редко.

Как и амёбы, размножаясь, мы делимся, а именно передаем своему потомству некоторые из наших идентичностей, транслируя тем самым часть жизненного опыта вместе с ассоциированными с этим опытом идентичностями следующим поколениям. Закономерности передачи таких идентичностей варьируют не только в зависимости от их конкретного типа. В отношении каждой из них существуют особые нормы, процедуры, правила и закономерности трансляции. Вопреки тому, что обряды перехода давно входят в классическую тематику антропологических исследований, правила и процедуры передачи идентичностей (как и случаи сбоев такой трансляции межпоколенческих идентичностей) все еще редко становятся фокусом исследования среди антропологов.

Возьмем случай социальных идентичностей, связанных с такими атрибутами, как честность, порядочность, правдивость или справедливость. Эти идентичности можно с некоторыми оговорками отнести к типу градуированных, поскольку им могут приписываться степени, выражаемые различными специфицирующими определителями (всегда, обычно, часто, иногда, никогда, как правило и проч.), как, например, в предложениях: «Обычно он ведет себя порядочно», или «Он – мужик справедливый» (подразумевается, что он действует так всегда). Здесь интересны не столько возможности дифференциальной оценки одного

качества или идентичности, т.е. противопоставление *градуированности* – *фазовым переходам* или *качественным скачкам* при изменении статуса (как в случаях таких атрибутов или идентичностей, как «женатый», «беременная», «мертвый», когда появление спецификатора-ограничителя сигнализирует нарушение языковой нормы и вызывает смех: «немножко беременная», «чуть-чуть женатый», «отчасти дееспособный»).

Значительный интерес представляет профессиональная вариативность этих идентичностей (и связанных с ними представлений о норме в отношении справедливости, правдивости и т.д.) в рамках той целостности, которая мыслится как единая культура. Правдивый банкир будет отличаться от правдивого врача настолько, насколько отличаются их дискурсивные практики, в которых скрывается или выражается правда. Утрата позитивной идентичности (в данном случае смена образа правдолюбца на имидж лжеца), как и характеристики данных идентичностей или статусов в этих профессиональных субкультурах, очевидным образом отличаются: врач может, а иногда и должен скрывать правду от пациента и, утешая его, сообщать полуправду или неправду, в то время как банкир должен, руководствуясь банковской тайной, молчать, но не может искажать интересующих его клиента сведений. Иными словами, связанные с этими профессиональными идентичностями кодексы поведения наполняют идентичность «правдивого человека» разным содержанием.

Этот дискурсивно-деятельностный аспект повседневных (в данном случае – профессиональных) идентичностей давно привлекает внимание социальных психологов и социологов (здесь сразу приходит на память знаменитая книга Э. Гофмана «Представление себя в повседневной жизни» (2000) с ее яркими описаниями повседневных стратегий и тактик самопрезентации), но нечасто пользуется вниманием антропологов. Между тем изучение особенностей динамики идентичностей этого типа способно пролить новый свет и на более привычные для полевого этнографа сюжеты, связанные со сменой идентичностей, их интенсивностью и взаимодействием их регистров у носителей «традиционной культуры». При детальном рассмотрении этой динамики внимание привлекает не только характер (постепенный или скачкообразный) смены идентичности или переключения из одного регистра в другой (смена ролей), но и *личностные стили*, проявляющиеся в управлении самоидентичностью – той самой «презентации себя», о которой писал Гофман. Кстати, используемая во многих из его описаний метафорика театра и театрального действия позволяет не только ввести в анализ динамики идентичности категории личности и личины (или индивида и освоенного им ролевого репертуара), но и отметить наличие и влияние «публики» на избираемые в конкретных ситуациях тактики самопре-

зентации, поскольку от характеристик этой «зрительской аудитории», реальных или мнимых, ведь речь идет все-таки о субъективном ее восприятии со стороны «актера», зависит не столько успех «спектакля», сколько сам ход разыгрываемой им «пьесы» с меняющимся под влиянием этой публики сценарием.

Разумеется, разговор о стилях смены идентичности касается в большей степени градуированных переходов, однако и фазовым скачкообразным переменам статуса (как, например, при появлении в семье первого ребенка, когда статус его родителей и родителей его родителей резко и скачкообразно меняется: они становятся мамами и папами, дедушками и бабушками, и вся родственная сеть, благодаря появлению нового члена, получает новые идентичности) не чужда стиливая и личностная окраска: превращение в бабушку или деда будет по-разному переживаться молодящимися «стариками», в ценности которых входит культ молодости, и старшим поколением из геронтофильного общества, где культ молодости отсутствует, но есть культ старейшин, родителей или предков⁵.

Из рассмотренных примеров, в которых на особенности передачи или трансформации идентичности влияет ее тип, становится очевидным, что на ее динамику влияет также система ценностей или аксиологическое измерение этой динамики, поскольку практически любая конкретная идентичность обладает приписываемой ей ценностью. Рассматривается ли в данной культуре или обществе та или иная идентичность как позитивная или негативная, ощущается ли она ее носителем как дар или стигма – эти и подобные обстоятельства, несомненно, влияют на стиль и особенности передачи или трансформации идентичности. На основе такого рода специфики формируются специфические практики наследования, наследия и наследства, а также сообщества памяти.

Идентичности и классификации. Динамика идентичностей имеет свои особенности, характерные для конкретного типа или класса идентичностей: помимо рассмотренных выше примеров из классов профессиональных и возрастных идентичностей, всем известны языковые, локальные (региональные), гендерные, досуговые, игровые и иные. Каждый из них характеризуется особыми взаимоотношениями между различными регистрами этих идентичностей, нюансами управления ими и представлениями о способах их передачи и перемены. В соответствии с этими представлениями идентичности могут наследоваться, человек может обретать их от родителей, Бога (богов, духов) или природы, они могут также навязываться, достигаться, приобретаться, присваиваться, отчуждаться, меняться спонтанно или по желанию, достигаться с помощью магии или за счет собственных усилий. Грамматика (парадигматика и синтаксис) трансформаций идентичности такого рода пока

исследована недостаточно, и включение этих сюжетов в специальные программы полевых этнографических исследований способно существенно обогатить наши представления о динамике идентичности.

Используемая нами повседневно абстракция отождествления, необходимая для операций обобщения и формирования понятий, опирается на наши операции с индивидами и их группами (видами, разновидностями, классами или родами). Роды сущего или естественные разряды (не путать с естественными или биологическими видами), обычно именуемые в англоязычных работах по аналитической философии *'natural kinds'*⁶, а иногда – подлинными или правильными категориями (*'genuine categories'* – см., например, Magnus 2013: 1), представлены во всех естественных языках, хотя именуются в них, разумеется, по-разному. «Естественность» в данном случае означает независимость существования обозначаемой этим словосочетанием группы (множества) объектов от сознания человека. Примерами могут служить экстенционалы таких слов обыденного языка, как слон, золото, планета. Обобщение и индукция, лежащие в основе многих классификаций в разных культурах, порождают классификации, в различной степени отражающие натуральные разряды. Разумеется, научные и философские классификации лучше отражают натуральные разряды, нежели народные (называемые иногда также фольк-классификациями). Знаменитый пример объединения в один класс всех летающих предметов (птиц, сброшенных камней и палок и вертолетов) в один класс в одном из языков бразильских индейцев в этом отношении достаточно выразителен.

Для рассматриваемой здесь темы существенно, что эти разряды обладают идентичностями, построенными на тождестве или сходстве между членами одного класса или сорта (выражающие их концепты в современной аналитической философии вслед за Дж. Локком называют *сорталами* – Локк 1985 III, III: 15). Признаки, лежащие в основе сходства у элементов одного класса в случае натуральных разрядов, должны быть существенными (здесь уместно вспомнить дискуссии о существовании рас в качестве историко-биологических сообществ в противовес типологическим концепциям расы, где она не рассматривается как натуральный разряд, а выступает в качестве артефакта типологической деятельности исследователя). Разные классы сортов характеризуются собственной динамикой и закономерностями смены идентичностей. Поскольку люди также представляют собой один из естественных разрядов, сам концепт «люди» может рассматриваться как сортал. Относятся ли к сорталам такие термины с семантическим значением собирательности, как «народ», «нация» или «сообщество», остается открытым вопросом.

Идентичности индивидуальных вещей часто рассматриваются в отрыве от тех классов, видов или разрядов, к которым эти вещи относятся

ся. Между тем мы решительно ничего не можем сказать о единичной и отдельной вещи вне ее сопряженности с такими классами или разрядами: не существует «чистых отдельностей» – всякое отдельное в своей фундаментальной идентичности (совокупности существенных свойств) связано с тем классом вещей, к которому оно принадлежит. Определяя идентичность как совокупность существенных свойств (существенными они считаются потому, что отсутствие любого из них сигнализирует о наличии уже иной вещи и иной идентичности), мы сталкиваемся с проблемой определения онтологического статуса «признаков», «свойств» или атрибутов индивидов (т.е. любых единичностей, будь они химическими элементами, растениями, животными, людьми или планетами), разделения этих свойств или атрибутов на случайные (акцидентальные) и сущностные (эссенциальные). Критерий радикальной трансформации идентичности индивида при исчезновении одного из существенных свойств остается при этом самым надежным критерием различения случайного и существенного. Нам важно, что сортовые концепты управляются критериями индивидуации и идентичности, т.е. метафизически обоснованными семантическими принципами, которые определяют, что считать индивидами или индивидуальными воплощениями универсалий и каковы необходимые условия для сохранения ими тождественности.

Проблема существования совокупностей, природных или социальных, или сущности множеств, бытующих независимо от наблюдателя, как и сгруппированных в результате классификации, связана с фундаментальной проблемой соотношения части и целого, относящейся к классическим метафизическим проблемам. Ее сложность можно представить, пытаясь, к примеру, ответить на, по видимости, простой вопрос о числе вещей в комнате. Мы никогда не сможем дать на этот вопрос определенного ответа, пока не проясним принципы соотношения части и целого. Даже если в комнате стоит единственный стул, мы не сможем утверждать, что в комнате находится только одна вещь, поскольку у стула есть ножки, спинка, сиденье, которые, в свою очередь, состоят из разных материалов, гвоздей, скоб и клея, которые, в свою очередь, состоят из молекул и атомов и т.д., до бесконечности. Остается также неясным, должны ли мы прибавлять к нашему перечню сам стул, если уже посчитаны его части и т.п. Каждая из перечисленных здесь единичностей характеризуется тождественностью, хотя часть из них относится к природным разрядам (химические элементы, молекулы, атомы), а другая – к разрядам артефактов.

Можем ли мы утверждать, что знаем, что такое нация, если не имеем веских аргументов в пользу природы элементов, из которых она состоит. Из кого или чего состоит нация – индивидов, личностей, граждан, этнофоров? Из входящих в нее народов, культур, языковых сообществ?

Или, быть может, из сословий и классов, из совокупности организаций, институтов и практик? Может быть, вопрос о ее *составе* вообще не правомерен, поскольку это лишь воображаемое сообщество, представляющее собой не столько множество составляющих его элементов, сколько поток изменчивых образов, сам процесс воображения, не имеющий референтов в реальности? Связанными с вопросом о составляющих или частях этого целого являются и вопросы вполне практического характера: кто выступает в качестве субъекта национального самоопределения – народ, население, согражданство, парламент, правительство, верховная власть? Может ли быть суверенитет парциальным, т.е. делиться между разными из названных выше субъектов? От решения лишь, по видимости, далеких от практики вопросов метафизического характера зависят вполне конкретные политические решения и, в конечном итоге, не только форма правления, но и качество нашей жизни. Какого рода связи и отношения «держат» социальные сети, неформальные сообщества типа уличных группировок, корпорации, клубы фанатов и коллекционеров? Чем отличаются взаимоотношения между составляющими их элементами от отношений между органами в теле человека или животного, от связей частей в сделанных человеком вещах – мебели, компьютерах, металлургических сплавах?

Британский философ Э. Джонатан Лоу по характеру взаимосвязи частей предлагал различать агрегаты, коллективности и то, что он назвал интегративными целостностями, или интегратами (*integrates*). Согласно Лоу существование *агрегатов* (к типичным можно отнести кучу песка или камней) помимо суммы составляющих их элементов (камней, песчинок) зависит еще и от сил сцепления между этими элементами – рассеивание песчинок или разбрасывание камней приведет к исчезновению кучи. Именно поэтому следует различать сумму элементов и кучу как имеющие разные условия тождества. *Коллективности* (в отличие от абстрактных множеств) состоят из конкретных объектов, индивидуализированные составляющие которых могут быть рассеяны и вновь собраны, т.е. способны пережить рассеяние (как, например, отара овец или оленья стадо). *Интеграты* – это индивидуальные субстанции или единичности, составленные из частей, сумма которых не может рассматриваться как равная самой этой целостности; какие-то части такой интегрированной целостности могут заменяться другими или утрачиваться, однако у интегратов существуют и незаменимые части, утрата которых ведет к уничтожению или гибели всей интегративной системы. Артефакты из числа такого рода интегративных целостностей (часы, самолеты, корабли) можно разобрать на части и в этом смысле «рассеять», а затем собрать снова, или отделить некоторые части, в то время как целое будет сохранять свою идентичность (Lowe 2009: 96–98). Разумеется, нужно помнить, что не все интеграты относятся к артефак-

там. Поскольку условия сохранения тождества у названных типов сообществ связаны с различными критериями идентичности и особой трактовкой того, что является в данном случае «суммой частей». В соответствии с этой типологией общая схема проблематики части и целого в аспекте сохранения или утраты идентичности оказывается еще более сложной: идентичность отдельного человека будет подчиняться иным закономерностям, нежели идентичность любого человеческого сообщества, поскольку характер взаимодействия «частей» или «составляющих» и взаимосвязей между ними у человека (в данном отношении рассматриваемого как интеграл) будет существенно отличаться от связи элементов нации, относящиеся к типу коллективностей.

Заключение. Представленный здесь краткий очерк отдельных метафизических проблем, возникающих в связи с рассмотрением процессов идентификации и требующих изменения существующих в этой области подходов, как представляется, действительно позволяет существенно расширить проблематику этих исследований в социальных науках. Современные индустрии идентичности (косметология, мода на еду, одежду и обувь, архитектуру и дизайн частных жилищ; демонстративное потребление, касающееся стилей жизни и отдыха, включая, например, выбор отелей, ресторанов, курортов, автомобилей) захватывают все новые области жизни людей, открывая новые перспективы как для «представления себя другим в повседневной жизни», так и для разработки исследовательских программ в антропологии, социологии и психологии для изучения этого «представления». Особые вызовы для такого рода исследований ставят появление и широкое использование новых технологий, затрагивающих управление идентичностью. Распространение цифровых медиа и их внедрение в системы безопасности, финансов и авторского права поставили проблемы охраны идентичности (цифровой, паспортной и авторской) от подделки, присвоения и недобросовестной манипуляции. Системы защиты от кражи идентичности хотя и не являются новой, но остаются весьма востребованной областью, обеспечивающей безопасность личности и организаций, однако их социологическое и антропологическое изучение явно отстает от потребностей (до сих пор этими проблемами занимались по преимуществу юристы, криминологи и психологи – ср., например: LoPucki 2001, Pontell 2009, Shreve-Neiger et al. 2004). Аутентичность артефактов и проблемы их подделки или недобросовестного использования (актуальные проблемы для современного музейного дела, искусствоведения, охраны традиционного нематериального наследия, лицензирования и патентного дела и т.п.) столь же тесно связаны с проблематикой идентичности, как и только что перечисленные области, касающиеся идентичности человека. Ориентация в существующих сегодня подходах к концепциям общего, особенного и единичного, части и целого, вещи и

признака, артефактов и натуральных разрядов, т.е., по своей сути – проблематике метафизической, оказывается необходимой для обновления исследовательских программ, в фокусе которых оказывается идентичность. Целью статьи как раз и являлась демонстрация этой необходимости.

Примечания

¹ Например, тео- и космогония исследуются отдельно и обычно не связываются с проблематикой личностных процессов идентификации, разворачивающихся в исследуемых сообществах, хотя и вне всякого сомнения влияют на них. Другой пример: психологи уже давно обратили внимание на влияние мифологии на психологию личности и ее идентичность/и; масштабные попытки синтеза мифологических представлений с личностными идентификационными процессами были предприняты, например, уже З. Фрейдом и К. Юнгом, однако эта часть их наследия редко привлекает внимание антропологов.

² Читателя может привести в замешательство используемая здесь терминология в отношении дисциплин и занятий в тех специализациях, которые в разных странах и в разные периоды назывались этнографией, этнологией или антропологией (социальной или культурной, а также биологической или физической). Здесь, как и в других своих работах, я пишу по преимуществу лишь о социально-культурной антропологии и этнологии в их российских вариантах, оставляя термин «этнография» для обозначения метода исследований или их результата (монографического описания конкретного культурного или социального локуса по результатам его полевых исследований). Таким образом, когда я говорю об этнографах, я имею в виду прежде всего идентичность исследователя, использующего полевую этнографию как *метод*; этот же исследователь выступает как антрополог, если говорить об исследуемой им *проблематике*.

³ В оригинале: «Zu jedem Seienden als solchem gehört die Identität, die Einheit mit ihm selbst» (Heidegger [1957], 2006: 35).

⁴ Насколько сложными эти процедуры могут оказаться в реальности, знает каждый, кто на практике сталкивался, например, с подсчетом численности членов различных этнических сообществ или носителей различных языков и диалектов во время переписей населения.

⁵ В качестве примера таких ценностей приведу следующую легенду из известного собрания «Нихон рё:ики» «Слово о злодее, который пренебрегал сыновним долгом по отношению к своей матери и навлек на себя наказание в этой жизни»: «В уезде Соу-но Ками провинции Ямато жил злодей. Его настоящее имя неизвестно. Люди называли его Миясу. В те времена, когда государь из дворца Нанива управлял Поднебесной, он стал студентом. Он изучал книги ради забавы, а о собственной матери не заботился. Мать взяла у него взаймы риса, но не смогла вернуть долг. Миясу же негодовал и торопил ее. При этом он сидел на высокой подушке, а мать – на полу. Друзья не могли спокойно смотреть [на его непочтительность]. Они говорили: “Добрый человек, почему ты пренебрегаешь сыновним долгом? Другие [сыновья] ради спасения родителей строят пагоды, вырезают статуи будд, переписывают сутры, приглашают монахов на время летнего уединения. Ты богат, и у тебя вдоволь риса, которым ты можешь ссужать. Почему ты не почитаешь мать – ведь это против того, что написано в книгах?” Миясу не слушал их и говорил: “Оставьте меня”. Тогда они вернули долг матери, разом встали и тут же ушли. Мать же оголила грудь, горевала и плакала, говоря: “Когда растила тебя, не знала отдыха ни днем, ни ночью. Вижу, как другие дети исполняют свой сыновний долг. Я думала, что смогу также опираться на тебя, но взамен этого терплю одни унижения. Не таким хотела я видеть тебя. Я отдала тебе рис, ты же расплатись за молоко, которым я выкормила тебя. С сегодняшнего дня связь между матерью и сыном прерыв-

вается. Пусть Небо знает это, пусть Земля знает. О, как мне печально и горько!» Не говоря ни слова, Миясу поднялся, пошел в заднюю половину дома, взял бумаги, на которых были записаны его должники, и сжег их в саду. Потом ушел в горы. Разум его помутился, волосы растрепались, тело покрылось ранами. Он бегал туда-сюда, как одержимый, а когда вернулся обратно, то в своем доме жить не стал. Три дня спустя вдруг случился пожар. Дом, кладовая – все разом сгорело. Его жене и детям стало негде жить. Некому было помочь Миясу, и он умер от голода и холода. Как можно не верить, что воздаяние в этой жизни – рядом? Потому-то в сутре и говорится: “Тот, кто не исполняет сыновнего долга, провалится в ад, а тот, кто заботится о своих родителях, – вознесется до Пречистой Земли”. Об этом говорит Татхагата, и это слова истины, возглаголенные [учением] Махаяны».

⁶ Хотя некоторые историки аналитической философии полагают, что важные элементы этого понятия встречаются уже у Аристотеля и Гоббса, термин был впервые использован британским логиком и философом Дж. Венном в работе «Логика случая». Он, в частности, писал: «There are classes of objects, each class containing a multitude of individuals more or less resembling one another... The uniformity that we may trace in the [statistical] results is owing, much more than is often suspected, to this arrangement of things into natural kinds» (Venn 1866: 245ff). Дж. Стюарт Милль в своем известном труде «Система логики» философски обосновал понятие «kind». Чарльз Сандерс Пирс, а впоследствии Дж. Рассел, возродивший использование выражения «natural kinds», продолжили его разработку и критику. Однако современная его трактовка и дискуссии развернулись только в 1960-е гг. в связи с работами Сола Криппе и Хилари Патнэма при участии Уилларда Куайна и Нельсона Гудмена.

Литература

- Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2000. 304 с.
- Локк Д. Опыт о человеческом разумении. Кн. III // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1985. Т. 1. (Гл. III. Об общих терминах, с. 466–477, § 15).
- Darnell R. Personality and Culture: The Fate of the Sapirian Alternative // George W. Stocking (ed.) Malinowski, Rivers, Benedict and Others: Essays on Culture and Personality. Madison: University of Wisconsin Press, 1986. P. 156–183 (History of Anthropology, vol. 4).
- Heidegger M. Der Satz der Identität // Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910–1976. Bd. 11. Identität und Differenz. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, [1957] 2006. P. 31–50.
- LoPucki L.M. Human Identification Theory and the Identity Theft Problem // Texas Law Review. 2001. Vol. 80. P. 89–134.
- Lowe E.J. More Kinds of Being: a Further Study of Individuation, Identity, and the Logic of Sortal Terms. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009.
- Lowe E.J. How Real Are Artefacts and Artefact Kinds? // Franssen M., Kroes P., Reydon T.A.C., Vermaas P.E. (Eds.). Artefact Kinds: Ontology and the Human-Made World. N.Y. e.a.: Springer, 2014. P. 17–26.
- Magnus P.D. No Grist for Mill on Natural Kinds // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2013. Vol. 2, no. 4. P. 1–15.
- Pontell H.N. Identity Theft: Bounded Rationality, Research, and Policy // Criminology & Public Policy. 2009. Vol. 8, no. 2. P. 263–270.
- Shreve-Neiger A., Kane J., Hutton S., Sharp T., Fremouw W. Exploring the Psychological and Somatic Impact of Identity Theft // Journal of Forensic Sciences. 2004. Vol. 49, no 1. P. 131–136.
- Venn J. The Logic of Chance. London: Macmillan, 1866.

Sokolovskiy S.V.

METAPHYSICS OF IDENTITY AND IDENTIFICATION PROCESSES RESEARCH IN SOCIAL SCIENCES

Abstract. The article focuses on metaphysical issues concerning identity dynamics of both human and non-human, natural and artefactual entities, with the aim of broadening the scope of current identity research in social sciences. The area of identity studies in anthropology remains conservative in limiting its focus to cultural and linguistic identities, whereas such topics as artefact's authenticity, identity theft and fraud, and identity industries in cosmetics, design and tourist business demand new methods and broadening of the agenda of identity studies in social research.

Key words: sameness, identity dynamics, identity politics, sortals, natural kinds

DOI 10.17223/2312461X/7/2

References

- Goffman E. *Predstavlenie sebia drugim v povsednevnoi zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow: Kanon-Press-Ts; Kuchkovo pole, 2000. 304 p.
- Locke J. *Opyt o chelovecheskom razumenii. Kn. III* [An essay concerning human understanding, Book III], Sochineniia v 3 tt. Vol. 1. Chapter III. Ob obshchikh terminakh. Moscow: Mysl', 1985, pp. 466–477.
- Darnell R. Personality and Culture: The Fate of the Sapirian Alternative, *Malinowski, Rivers, Benedict and Others: Essays on Culture and Personality*. Ed by George W. Stocking. Madison: University of Wisconsin Press, 1986, pp. 156–183.
- Heidegger M. Der Satz der Identität, *Heidegger M. Gesamtausgabe. I. Abteilung: Veröffentlichte Schriften 1910-1976. Bd.11. Identität und Differenz*. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann GmbH, 2006, pp. 31–50.
- LoPucki L.M. Human Identification Theory and the Identity Theft Problem, *Texas Law Review*, 2001, Vol. 80, pp. 89–134.
- Lowe E.J. *More Kinds of Being: a Further Study of Individuation, Identity, and the Logic of Sortal Terms*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2009.
- Lowe E.J. How Real Are Artefacts and Artefact Kinds?, *Artefact Kinds: Ontology and the Human-Made World*. Eds. Franssen M., Kroes P., Reydon T.A.C., Vermaas P.E. N.Y. e.a.: Springer, 2014, pp. 17–26.
- Magnus P.D. No Grist for Mill on Natural Kinds, *Journal for the History of Analytical Philosophy*, 2013, Vol. 2, no. 4, pp. 1–15.
- Pontell H.N. Identity Theft: Bounded Rationality, Research, and Policy, *Criminology & Public Policy*, 2009, Vol. 8, no. 2, pp. 263–270.
- Shreve-Neiger A., Kane J., Hutton S., Sharp T., Fremouw W. Exploring the Psychological and Somatic Impact of Identity Theft, *Journal of Forensic Sciences*, 2004, Vol. 49, no. 1, pp. 131–136.
- Venn J. *The Logic of Chance*. London: Macmillan, 1866.